

СВЯТЫХ ХОРОНЯТ ЖИВЫМИ

АНИ ЕГАНЯН

18+

Ани Еганян

Святых хоронят живыми

«Автор»

2026

Еганян А.

Святых хоронят живыми / А. Еганян — «Автор», 2026

В день, когда принцессе вернули зрение, мать Мары ослепла. Только Мара об этом не знала. Двадцать лет она считала мать погибшей — пока в одежде покойного архидиакона не нашла знакомый ключ. Он подошёл к двери под собором. В королевстве чудеса совершаются каждый день. Слепые прозревают, раненые возвращаются домой, дети переживают смертельную лихорадку. Никто не спрашивает, куда исчезает их боль. Мара собирается спасти одного человека. Но за дверь, которую она открыла, слишком много чужих жизней. А единственный мужчина, готовый помочь ей, знает о цене освобождения больше, чем решается рассказать. Теперь ей предстоит узнать, почему святых хоронят живыми — и кого придётся похоронить, если выпустить их на свободу.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвёртая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ани Еганян

Святых хоронят живыми

Ани Еганян
Святых хоронят живыми
Роман

Глава первая

Седьмая ниша

В день, когда принцессе вернули зрение, моя мать ослепла.

Об этом я узнала девять дней спустя, когда хоронила человека, подписавшего приказ о её ослеплении.

Архидиакон оказался тяжёлым. При жизни он проповедовал воздержание, однако двоим могильщикам пришлось поднимать его за плечи, пока я вытягивала из-под спины погребальную доску. Под шёлковым облачением что-то хрустнуло.

— Осторожнее с лицом, — велел священник.

Я посмотрела на покойника. Подбородок был подвязан, щёки натёрты румянами. Над причёской потрудились усерднее, чем над некоторыми нашими могилами.

— Земля разберётся.

Священник сделал вид, что не расслышал. Ему оставалось дочитать две молитвы и вернуться в собор, где третий день служили благодарственный молебен. Маленькая принцесса впервые увидела отца. В честь этого король простил столице недоимку за воду.

Мой хозяин простил мне три медяка за сломанную лопату. Оба поступка обсуждали примерно с одинаковой благодарностью.

Покойному архидиакону чудо, видимо, не помогло.

Когда служитель отвернулся за кадилом, я проверила карманы погребального облачения. Богатых хоронили с мелочью для Небесного перевозчика. Я работала здесь третий год и пока не слышала, чтобы он пожаловался на недостаток.

Серебряная монета. Флакон с маслом. Ключ.

Ключ был узким, железным, без бородки. Вдоль стержня шли насечки: семь коротких черт и одна длинная.

Я выпрямилась.

Мать так помечала инструменты в нашей мастерской. Сталь продавали на вес, и насечки помогали отличать свои заготовки от соседских. Последнюю черту она всегда вводила вбок: после старого перелома большой палец плохо сгибался.

Эта черта тоже уходила вбок.

— Закрывай, — сказал священник.

Я зажала ключ в ладони.

Архидиакон лежал с приоткрытым ртом. За щекой темнел край чего-то плотно свёрнутого.

Мне случалось находить у покойника под языком монету, любовную записку и однажды половину обручального кольца. Но этот человек уходил в землю с бумагой, запечатанной соборным воском.

— У него зуб выпал, — сказала я. — Надо поправить.

Священник поморщился и отошёл.

Бумага прилипла к десне. Пришлось потянуть. На обороте отпечатался тёмный кровавой полукруг.

«Нижний склеп. Седьмая ниша.

Зрение передано полностью. Носительница сохраняет речь.

Просит сообщить дочери, что больше не может вспомнить её лицо».

Под записью стояла подпись архидиакона.

Я прочла её дважды. Потом перевернула лист.

«В просьбе отказать».

— Мара?

Я так сжала ключ, что край стержня прорезал кожу.

— Руки вытри, — сказал священник. — На облачение капаешь.

Я вытерла ладонь о собственный подол. Мы накрыли архиерея крышкой, и я забила гвозди. На третьем промахнулась и ударила себя по пальцу. Боль помогла закончить работу.

Когда последний ком земли скатился с насыпи, я нашла приказ о погребении в кармане рабочего фартука.

При соборе было четыре кладбища. Архиерея следовало отвезти на западное: там лежали настоятели и королевские духовники. На нашем хоронили младших служителей, поваров, переписчиков и тех, чьи родственники опоздали с платой.

Внизу приказа кто-то вписал моё имя. Чернила ещё не выцвели. Обычно такие приказы составляли за неделю до похорон.

Я сложила бумагу и спрятала вместе с запиской.

Кто-то очень хотел, чтобы ключ нашла именно я.

* * *

В собор я вошла во время вечерней службы. Прихожане стояли спиной к боковым дверям, и никто не заметил грязных сапог под моим плащом.

У входа женщина в дорожной шали держала мальчика за подбородок, пытаясь заставить его проглотить лекарство. Он отворачивался. Тогда она вылила содержимое ложки в желоб для пожертвований.

— Здесь помогут, — сказала она ему.

Я прошла мимо.

В детстве меня водили в этот собор каждую неделю. Мать ставила меня на скамью, чтобы я видела алтарь поверх голов. Она молилась с открытыми глазами и никогда не давала мне целовать серебряную чашу. Говорила, что после стольких ртов от неё больше заразы, чем благодати.

Потом её обвинили в колдовстве.

На казнь меня не пустили. Тётка держала за плечи так крепко, что вечером пришлось размачивать рубашку: шов впился в кожу. Я видела только дым над крышами. Два дня спустя нас вывезли из столицы, и следующие семнадцать лет я представляла себе лицо матери в огне.

Теперь у меня в кармане лежал сделанный ею ключ.

Лестницу в нижний склеп я нашла за ризницей. Верхняя дверь была открыта: послушник носил вниз бутылки с маслом. Я подождала, пока он вернётся за следующей, и скользнула внутрь.

Внизу пахло мокрой известью. На стене висели чистые полотенца, на узкой полке стояли кувшины и миска с мыльной водой. Под землёй кто-то регулярно мыл руки.

Я ожидала увидеть гробы. Вместо них вдоль стен стояли железные дверцы, каждая не выше моей груди. Перед ними теплились свечи. Фитили плавали в чашах с маслом, которое поступало по тонким медным трубкам.

Из-за ближайшей дверцы донеслось негромкое покашливание.

Я остановилась. Сосчитала ниши заново.

У седьмой свеча погасла. В чаше застыло масло; на поверхности лежала пыль. Я присела и сунула ключ в скважину.

Он повернулся легко. Петли тоже были смазаны.

За дверцей сидела женщина.

Скамья оказалась слишком короткой, чтобы лечь, и слишком низкой, чтобы распрямить спину. Женщина вытянула босые ноги; одну ступню прикрывал подол. На коленях лежало недошитое детское платье.

Моё платье.

Жёлтое, с криво пришитым карманом. Я просила сделать карман большим, чтобы помещалась найденная на реке раковина. Мать обещала закончить к празднику урожая. В ту осень её забрали.

— Кто здесь? — спросила она.

Я узнала голос сразу. За двадцать лет он изменился меньше моего.

Мать повернула голову. Повязка на глазах была свежей; под краем виднелась полоска розовой кожи.

Я держалась за дверцу, потому что иначе упала бы.

— Мама.

Она прижала платье к животу.

Я ждала, что она протянет руки. Тогда я смогла бы подойти, обнять её, сделать хоть что-нибудь из того, о чём мечтала ребёнком.

Но мать стала отодвигаться по скамье.

— Ты одна?

— Да.

— Тебя никто не видел?

— Мама, я вытащу тебя.

Она затрясла головой и выставила ладонь, не давая мне приблизиться. На внутренней стороне запястья белел шрам в форме разомкнутого круга.

У меня такое же пятно появилось вчера.

Я показала руку, прежде чем вспомнила, что она не увидит.

— Что это?

Мать заплакала. Я никогда не слышала, чтобы взрослый человек плакал так тихо.

— Они сказали, нужна родная кровь.

Я посмотрела на детское платье.

— Для чего?

Она долго не отвечала. Где-то наверху ударил колокол, и по её пальцам прошла судорога.

— Чтобы меня сменить.

В коридоре звякнула связка ключей.

Мать вскинула голову и впервые попыталась дотянуться до меня.

— Мара, беги. Я не думала, что ты ещё живёшь в городе.

* * *

Я обернулась, заслоняя дверцу.

На лестнице стоял мужчина в сером плаще соборного служителя. Фонарь он держал низко, у колена, поэтому лица почти не было видно. Вторую руку прятал под плащом.

— Не трогай обруч, — сказал он.

Я только теперь заметила железо на материнской щиколотке. От обруча шла короткая цепь к кольцу в полу. Несколько звеньев были отполированы до блеска, словно их долго тёрли друг о друга.

— Крикнешь — убью.

Он посмотрел на мой пояс.

— Покажи нож.

Я не двинулась.

— Если бы он у тебя был, ты уже держала бы его в руке.

Мужчина поднял фонарь. Я увидела неровно сросшийся нос и седую прядь у виска. Он был моложе, чем мне показалось по голосу. У ключицы, над краем рубахи, белел след ожога.

— Кто вы? — спросила мать.

Он не ответил. Смотрел на меня.

— Дай записку.

Я отступила к нише.

— Значит, это ты.

Он кивнул.

— Архидиакон не стал бы прятать собственные распоряжения у себя во рту.

— Ты его убил?

— Нет. Он умер за завтраком. Я помогал одевать тело.

Я вспомнила приказ о погребении. Собственное имя, вписанное на полях. У меня возникло желание вернуться на кладбище и раскопать могилу, чтобы проверить каждое слово этого человека.

— Зачем?

— Хотел, чтобы ты прочла другую бумагу. Потом решила, что делать. — Он посмотрел на открытую нишу. — Рассчитывал встретить тебя раньше.

— Записку написал ты?

— Её написал покойный. Я только положил туда, где ты могла найти.

Мать начала кашлять. Наклонилась, прижимая кулак ко рту. Я опустилась рядом, но она снова оттолкнула меня.

— Не надо. Не слушай. Уходи.

— Что с ней?

— Лёгкие, — сказал мужчина.

— Давно?

Он замешкался.

— Да.

В нише не было ни кружки, ни куска хлеба. Я потянулась к фляге на поясе. Мать обхватила её обеими руками, жадно сделала глоток и сразу выплюнула воду на платье. Прижала пальцы к горлу.

Я отобрала флягу, положила ладонь ей между лопаток. Под тканью нащупывались рёбра и что-то ещё — неровные утолщения, похожие на плохо сросшиеся переломы.

— Мама, вдохни. Потихоньку.

Она согнулась ещё сильнее. В темноте у её ног блеснула медная миска. Я придвинула её и держала, пока мать кашляла в неё прозрачной слезью.

Мужчина отвернулся.

— Позови лекаря, — сказала я.

— Здесь нет лекарей.

— Найди.

— Мара.

Он произнёс моё имя негромко, и от этого захотелось ударить его сильнее.

— Ты видел, что у неё с глазами?

— Видел.

Я ждала объяснений. Он расстегнул ворот плаща и вынул плоскую книгу в потёртой коже.

— Посмотри сама.

— Мне не нужна твоя книга.

— Сейчас нужна.

Он положил её на пол возле фонаря. Открыл страницу, заложённую полоской синей ткани.

Я прочла имя принцессы. Ниже стояли дата, печать дворцового лекаря и подпись человека, которого я сегодня закопала.

Последние строки были обведены рамкой.

«Дар принят. Носительница Иона Вейн. Ниша VII».

Я подняла глаза на мать. Она сидела неподвижно, уронив руки на мокрое платье.

— Это правда?

Она кивнула.

Я вспомнила мальчика у входа. Его мать вылила лекарство в желоб для пожертвований.

— Они забирают глаза?

— Не всегда глаза, — сказал мужчина. — То, что нужно исцелить.

— Как?

Он провёл большим пальцем по обреза книги, задержался на старых страницах и убрал руку.

— Я знаю, что происходит с телами. Про остальное придётся спросить других.

Из соседней ниши донёсся удар. Потом ещё один. Кто-то скрёб изнутри дверцу.

— Сколько их здесь?

— Двенадцать.

В соборе было двенадцать алтарей. Я сама чистила их перед весенними службами, когда на кладбище не хватало работы. За дальний платили больше: к нему приходилось лезть на стремянку, и камень под ногами всё время отдавал теплом.

— Я заберу её.

Мужчина поднял книгу.

— Если разомкнёшь обруч и выведешь её за порог, всё вернётся.

— Что вернётся?

— Каждому своё. Девочка во дворце ослепнет. Те, кому Иона залечила раны, получают их обратно. У кого-то хватит времени добраться до лекаря.

— А ты пришёл объяснить, почему я должна её оставить?

Он покачал головой.

— Твоё имя внесли в книгу преемников вчера. Завтра в полдень закроют круг. После этого посадят сюда тебя.

Я посмотрела на белое пятно у себя на руке. Утром тёрла его мочалкой, решив, что испачкалась известью.

— Не пришла бы сама — нашли бы на улице, — произнёс он. — Пока круг открыт, можно уйти за пределы прихода. Звон тебя не достанет.

Мать нащупала мою руку, провела пальцем по пятну. Я дёрнулась. Она убрала ладонь.

— Они сказали, ты далеко, — прошептала она. — Сказали, если не позвать никого, так и останусь.

— И ты позвала.

На лестнице скрипнула ступень. Мужчина быстро погасил фонарь и поставил его за выступ в стене. Масляные чаши освещали только нижнюю часть коридора.

— Сестра Брин, — сказал он тихо. — Я отправил её к больному. Она скоро вернётся.

Он сунул книгу мне в руки.

— Слева от лестницы дверь в кладовую. За ней ход до угольного двора. Засов поднимается вверх, иначе сломаешь.

— Ты пойдёшь со мной.

— Она знает мой голос. Если не отвечу, спустится.

Он снял серый плащ, накинул на мои плечи и отвернул ворот, прикрывая кладбищенскую нашивку на рубаше. От ткани пахло дымом и дешёвым мылом. Я отшатнулась раньше, чем он успел застегнуть пряжку.

Мужчина сразу опустил руки.

— У тебя две минуты.

Я посмотрела на мать. Повязка сползла к переносице. Она пыталась подтянуть её, но пальцы снова сводило, и край всё время выскальзывал.

Я поправила ткань, убрала волосы, попавшие под узел. За ухом кожа оставалась мягкой. Я помнила, как прятала там лицо, когда она несла меня сонную домой.

— Я вернусь.

Мать вцепилась в мой рукав. На мгновение мне показалось, что сейчас она попросит остаться. Я уже знала, что отвечу, и ненавидела себя за это.

— Не говори им моего имени, — прошептала она.

Я посмотрела на её пальцы.

— Кому?

— У других соборов. Они тоже захотят помочь тебе.

Мужчина взялся за дверцу. Мать отпустила меня и отодвинулась на скамье. Я поняла, что она знает, сколько места нужно оставить железу, чтобы оно не прищемило ноги.

Он закрыл нишу. Скрежетнул замок.

Я осталась стоять перед дверцей, прижимая к груди книгу.

— Как тебя зовут?

— Кайр.

Сверху окликнули:

— Брат? Ты здесь?

— Свеча погасла, — ответил он, поднимаясь на первую ступень. — Не спускайтесь. Я уже закончил.

Я дошла до кладовой и открыла дверь. Внутри мешки с углём были сложены почти до потолка. Пробираясь пришлось боком, прижимая книгу к животу.

Перед тем как закрыть за собой, я оглянулась.

Кайр стоял спиной ко мне. На нём больше не было плаща. Под рубахой, между лопатками, выступали две небольшие неровности, и я сразу узнала очертания застёжек: такими на кладбище скрепляли одежду, разрезанную на мёртвом.

Потом он поднял фонарь, и я перестала видеть его спину.

* * *

На угольном дворе я едва не наткнулась на соборного привратника. Он сидел у жаровни и жевал корку хлеба. Я натянула капюшон и, подражая послушникам, опустила голову.

Привратник протянул мне ведро.

— Раз вышел, отнеси в кухню.

Я взяла ведро, дошла до поворота и поставила за бочкой. Ещё через минуту оказалась на улице.

Люди спешили к вечерней службе. На площади торговали ленточками с портретом принцессы: художник сделал ей огромные голубые глаза. Девочка была похожа на всех девочек, которых рисовали на дешёвых картинках, только корона отличалась.

Я добралась до дома, заперла дверь и пододвинула к ней стол. Потом зажгла свечу.

От материнского кашля у меня до сих пор болело между лопатками. Я сняла чужой плащ, бросила на кровать. Книга упала на пол и раскрылась у середины.

На этих страницах почти не было дворянских имён.

Швея с Ячменной улицы. Подмастерье сапожника. Родильница, трое суток не приходившая в сознание. Два ребёнка из одного дома; в графе об оплате против обоих стояло «прощено».

Я нашла мальчика с переулка Красильщиков. Полгода назад его мать заплатила мне за свидетельство о смерти, чтобы долговой пристав перестал требовать деньги за лечение. Я помнила, как он стоял у окна и смотрел, как я посыпаю запись песком. Его тень тогда легла поперёк собственного имени.

В этой книге напротив него значилось: «Горячка прекращена. Дар принят».

Я закрыла глаза. Посидела так, пока свеча не затрещала.

Потом стала искать первую запись.

Начало книги несколько раз чинили. Кожу на корешке заменили, листы сшили заново, но один старый шов сохранился. Стежки возле сгиба косили в одну сторону. Так шила мать, каждый раз перехватывая иглу левой рукой.

Я поднесла свечу ближе.

Первую страницу заполнял тот же человек, который подписывал сегодняшнюю записку. Молодой ещё почерк, без дрожи на длинных штрихах. Внизу помещалась другая подпись.

Мамина.

«Дитя женского пола. Возраст семь лет. Извлечено из воды без признаков дыхания. Свидетельство лекаря прилагается».

Я поставила свечу на стол. Рука дрожала так сильно, что горячий воск пролился на пальцы.

Мне было семь, когда я провалилась с причала. Тётка говорила, отец вытащил меня вовремя. После этого я долго болела. Мать мыла мне волосы в тазу, а я плакала, как только вода касалась лица.

Ещё месяц я не могла заставить себя проглотить даже ложку супа, если он был слишком жидким.

Потом мать забрали.

Под описанием шли строки, заполненные мельче остальных:

«Исцелённая Мара Вейн.

Дар принят Ионой Вейн.

Согласие подтверждено».

Я прочла запись до конца. Отложила книгу, встала, сделала несколько шагов к двери. Вернулась к столу.

Спросить было некого. Ни отца, ни тётки давно не было в живых. Мать сидела под собором и двадцать лет пыталась откашляться.

Я коснулась запястья. Пятно осталось холодным.

До полудня мне предстояло уйти так далеко, чтобы не слышать соборных колоколов. Если Кайр говорил правду, этого хватило бы.

Я нашла рабочую сумку. Высыпала на стол медяки, две запасные пряжки и кусок хлеба. Сложила внутрь книгу, флягу и фартук. Из ящика вынула инструменты. Выбрала самые тонкие, проверила острие шила и обернула его тряпкой.

Рядом лежал узкий железный ключ. Кровь на стержне уже высохла.

Я тоже положила его в сумку.

Потом отодвинула стол от двери.

Глава вторая

Плата за место

На кладбище я пришла за четверть часа до открытия ворот. Нелла уже сидела на каменной ограде и завтракала яблоком. На ней были мои прошлогодние сапоги. Правый она набила шерстью, чтобы не слетал, и при ходьбе прихрамывала, хотя со здоровьем у неё всё обстояло лучше, чем у большинства наших заказчиков.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— Мне нужна телега.

— А мне новые сапоги. Представляешь, как удачно встретились.

Я достала ключ от сторожки. Рука дрожала, и Нелла перестала жевать.

— Кто умер?

— Пока никто.

Она спрыгнула с ограды и пошла за мной.

В сторожке было холодно. Хозяин экономил на дровах даже летом: говорил, работа сама согреет. Под лавкой сохли доски для младенческого гроба. Я перешагнула их и потянула ящик с чистыми бланками.

— Не трогай, — сказала Нелла. — Считали вчера.

— Кто?

— Из собора приходил. С печатью. Спросил, кто архиерея хоронил. Я сказала, все вместе. Он спросил ещё раз, медленнее. Видимо, решил, я с первого раза тупая.

— Что ты ответила?

— Что не потяжелел же покойник от второго вопроса. Его вдвоём не донесёшь.

Нелла улыбнулась, ожидая, что я тоже улыбнусь. Я нашла бланк на вывоз тела за город и положила на стол. Она придвинулась, заглянула через плечо.

— Тебя ищут?

Я открыла книгу на первой странице.

Она читала медленно, двигая губами. Я учила её буквам зимними вечерами, когда землю сковывало и покойники ждали оттепели под навесом. Сейчас мне хотелось вырвать лист и спрятать, чтобы не видеть, как её лицо меняется на знакомых словах.

— Это ты?

Я кивнула.

— А мать где?

— Под собором.

Нелла посмотрела на потолок, словно собор мог оказаться прямо над нами.

Я рассказала о нише, о платье, о белом пятне на руке. О том, что в полдень меня посадят на материнское место. Говорила ровно, как перечисляла имущество перед погребением, и только на слове «платье» пришлось остановиться.

Нелла взяла мою руку. Потёрла пятно ногтем.

— Больно?

— Нет.

— Вот это мне уже не нравится.

Она выпустила запястье, подошла к окну и отодвинула мешковину. По дороге к воротам шёл человек в тёмно-синем камзоле. За ним держались двое соборных стражников. Один нёс пустой мешок для бумаг.

— Ещё и не открылось, — сказала Нелла.

Я подхватила книгу. Вторая дверь сторожки выходила к угольному сараю, за ним начинались старые захоронения. Мне хватило бы времени добраться до ограды, если бежать сразу. Но телега стояла с другой стороны.

Нелла развернула бланк, обмакнула перо и начала писать.

— Что ты делаешь?

— Ты сказала, нужна телега.

— Они найдут тебя.

— Уже нашли. Сядь.

Она схватила меня за плечо и толкнула к лавке, прямо на крышку незаконченного гроба. Потом сунула в руки тряпку, которой вытирали лица умерших.

Дверь открылась без стука.

Человек в синем оглядел комнату, задержал взгляд на моих сапогах и поднял его к лицу. Я прижала тряпку ко рту и кашлянула. Один раз — чужим кашлем, который помнила со вчерашнего вечера.

— Мара Вейн?

— А вы с заказом? — спросила Нелла.

— Где старший?

— Который хозяин или который по возрасту? По возрасту у нас Сим. Но он глухой.

— Отойди.

Он показал печать. Я успела разглядеть фамилию: Оррен. Капитан, не обычный соборный надзиратель. Значит, пропажа книги значила больше, чем мне хотелось думать.

Нелла отступила ровно настолько, чтобы оказаться между ним и моим рабочим фартуком, под которым лежала книга.

— Мне нужна женщина, вчера занимавшаяся погребением архидиакона.

— Она с утра на западном кладбище, — сказала я сквозь тряпку. — Закладную плиту передвигали. Туда повезли.

Оррен смотрел внимательно. У него были спокойные серые глаза человека, привыкшего ждать, пока собеседник договорит неправду.

— Назови своё имя.

Я закашлялась снова, согнулась и ощутила под рёбрами настоящее жжение. Тряпка пахла щёлоком и железом. Воздуха не хватило. Я испугалась, что сейчас действительно задохнусь, и от этого кашель стал сильнее.

Стражник с мешком прикрыл рот воротом.

— Грудная горячка, — объяснила Нелла. — Хозяин велел из сторожки не выпускать. Но если вам надо, мы представимся, конечно. Она у меня тут с самого рассвета сидит.

Капитан шагнул к столу. Перевернул бланк. Там Нелла успела написать три слова: «Тело мужского пола».

— Кого везёте?

— Старого кожевника. В лечебницу Роу. Он завещал себя лекарю. От горячки не умер, не бойтесь, от возраста. Мы потом дошьём, как положено.

Оррен постоял ещё немного и вышел. Стражник с мешком остался у ворот. Через окно я видела, как капитан что-то ему говорит, показывая на дорогу.

Нелла подождала, пока шаги стихнут, и выдернула тряпку у меня изо рта.

— Живая?

Я закивала.

— Врёшь ты хуже, чем пишешь.

Она наклонилась к бланку, приписала возраст кожевника и округлила цифру оплаты.

— Он ещё жив, — сказала я.

— Кто?

— Кожевник. Мы позавчера к нему ходили за меркой.

— Ну, значит, очень удивится, когда увидит счёт.

* * *

Под погребальным полотном пахло стружкой. Нелла вымела телегу, но у борта остались две засохшие кровавые кляксы. Я смотрела на них с расстояния ладони и старалась не думать, откуда они взялись.

На меня положили крышку гроба. Доски не скрепляли, чтобы можно было столкнуть их изнутри. Между щелями пробегал утренний свет.

На воротах нас остановили.

— Приказ капитана: никого без осмотра.

— Отлично, — сказала Нелла. — Снимайте крышку. Мне одной тяжело.

Телега качнулась. Рядом со мной заскрипело дерево. Нелла ругнулась, стражник выругался в ответ. Я лежала неподвижно, с открытым ртом, и пыталась вспомнить, как выглядят лица людей, которых хоронила.

Тяжёлая ладонь легла на край полотна.

— Куда?

— К Роу. Вот разрешение. Осторожно, у него живот потёк.

Рука исчезла.

Мгновение спустя телега покатилась. Я слышала, как Нелла обошла её, как что-то стукнула на облучке, как лошадь затопала по камням. Только когда мы выехали на мост, я позволила себе закрыть рот.

Река была подо мной. Я узнала её по звуку: вода билась о сваи с коротким деревянным стуком. В семь лет мне казалось, что внизу кто-то прибавляет ступени, по которым можно подняться из глубины.

Сейчас там никого не было. Подо мной текла вода, в которой я уже однажды умерла.

Телега остановилась.

— Приехали, — сказала Нелла.

Я столкнула доски и села. Передо мной стоял длинный низкий дом, отделённый от дороги стеной из неошкуренных брёвен. Над воротами висела табличка: «Лечебница Элиаса Роу». Под ней кто-то вырезал: «Долги не исцеляем».

В дверях показался сухой человек в кожаном фартуке. Он посмотрел на меня, на снятые доски, на Неллу.

— Покойница сама распишется? — спросил он.

Я попыталась слезть с телеги и поняла, что ноги меня не держат.

Роу поймал меня за локоть, отвёл к стене и велел сесть на перевёрнутый таз. Нелле приказал закрыть ворота. Потом поднял мой рукав.

Белая дуга на запястье начала темнеть с одного конца.

— Который час? — спросила я.

Он посмотрел на солнце.

— До полудня ещё есть время.

В глубине дома кто-то закричал. Крик оборвался, сменился коротким вдохом и начался снова.

— Это здесь не достаёт звон? — Я схватила его за фартук.

— Здесь кончается приход. Ещё три поля, и скала закроет собор.

— Почему ты не живёшь дальше?

Он отцепил мои пальцы по одному.

— Потому что тех, кого приносят ко мне, нельзя трясти лишние три поля. А тебе придётся проехать.

Роу крикнул кому-то принести одеяло, снял с меня серый плащ и укутал плечи. Книгу, которую я всё ещё держала под одеждой, он не спросил. Только придержал полы, чтобы переплёт не зацепился за край телеги.

— Потом вернёшься, — сказал он. — Если круг останется открытым.

Я посмотрела на чёрную точку у себя на руке. Она медленно ползла вдоль белого следа. Нелла забралась на облучок. Из рукава у неё выпала кожура от яблока.

Я сказала, что поеду одна.

Она подняла вожжи и сделала вид, что не слышит.

Глава третья

Серебро на языке

Собор из-за скалы не было видно, но я всё равно поворачивала голову, словно взгляд мог удерживать чёрную черту на запястье.

Нелла остановила лошадь в заброшенном карьере. Здесь добывали известняк ещё при отце нынешнего короля. На уступе остались заржавевшие крюки, на дне зеленела вода. Я попросила отъехать подальше от края.

До полудня мы успели съесть хлеб. Нелла отломилась мне половину яблока, которую берегла с утра. Я взяла её, хотя есть не могла, и некоторое время смотрела на следы зубов на коже. Почему-то от них стало легче. Рядом сидел человек, который собирался доест яблоко, и это казалось более надёжным свидетельством будущего, чем все мои планы.

Когда солнце поднялось над трещиной в скале, запястье обожгло.

Я вцепилась в край телеги. Чёрная черта почти замкнула круг. Остался промежуток шириной в ноготь. На миг я почувствовала запах мокрой извести и услышала кашель; потом поняла, что кашляю сама.

Нелла держала меня за плечи. Говорила что-то сердитое, неразборчивое. Я не слышала слов, но узнавала её голос и потому продолжала смотреть на неё.

Черта побледнела. Кожа снова стала обычной.

Я разжала пальцы только тогда, когда Нелла сказала, что сейчас сама похоронит меня здесь, если я не перестану вырывать доску из телеги.

— Всё? — спросила она.

Я потрогала запястье. Боль осталась, но пятно исчезло.

— Не знаю.

Она осмотрела руку, завернула моё одеяло плотнее и села рядом. Мы ещё долго ждали, хотя больше ничего не происходило.

На обратной дороге я заснула сидя. Проснулась оттого, что Нелла безуспешно пыталась просунуть мне под голову мешок с овсом. Я взяла его сама и легла на бок.

* * *

Роу встретил нас у ворот. Ничего не спросил, только поднял мою руку и посмотрел на кожу. Потом отвёл в кухню.

В лечебнице варили лук. Запах стоял густой, сладковатый. На столе лежала треснувшая чашка, в которую кто-то положил ещё тёплый белый хлеб. Я вдруг поняла, что очень хочу есть.

Роу налил суп и уселся напротив.

— Имя матери.

— Иона Вейн.

Он отодвинул собственную тарелку.

— Седьмая?

Я кивнула.

— Ты там бывал?

— Давно.

— И ничего не сделал?

Роу посмотрел на мои руки. Я всё ещё держала ложку, но сжала её так, что большой палец побелел.

— Поешь. Этот разговор никуда не уйдёт.

Я отложила ложку.

Роу вздохнул и встал. За дверью кто-то позвал его по имени. Он ответил, что идёт, и знаком показал мне следовать за ним.

В комнате у окна лежал мужчина с перевязанным бедром. Седеющая борода скрывала половину лица. На стуле возле кровати стояли два сапога; в одном носок был заштопан красной ниткой.

— Йонас, — сказал лекарь. — Разрешишь посмотреть?

Больной кивнул. Роу отогнул простыню. Повязка на ноге промокла.

— Телега придавила, — объяснил он мне. — Четыре дня назад. Кость цела, мясо разможжено. Я убрал то, что уже погибло. Остальное пока держится.

Йонас закрыл глаза, когда лекарь начал менять ткань. Не закричал, только дёрнул правой рукой, и я подала ему край простыни. Он сжал её в кулаке.

— До собора тут полчаса, — сказала я.

— Знаю, — ответил больной.

— Почему ты здесь?

Он повернул голову к окну.

— Дважды уже ходил. Первый раз мне локоть вернули. Второй лихорадку сняли. Сказали, третьего прощения не положено, пока за второе долг не отдам. Если отдам — хозяйку с дочками из дома выселят.

Роу закончил перевязку, помог ему устроиться и прикрыл ногу.

— Когда перестанет лихорадить, попробуем поставить на костыли. Не завтра. Через неделю посмотрим.

Он вымыл руки и повёл меня дальше. В соседней комнате женщина с обожжённой щекой кормила старика с ложки. У двери спал мальчик на охапке соломы. Роу поправил на нём одеяло, не разбудив.

— Иногда у меня умирают, — сказал он. — Иногда уходят на своих ногах. Но никто здесь не лежит вместо другого.

Я достала книгу.

Он не протянул руку. Сперва посмотрел мне в глаза.

— Ты знаешь, что в ней?

— Знаю начало.

— Тогда не открывай всё сразу.

Мы вернулись на кухню. Суп остыл. Нелла доедала мой хлеб, оставив корку возле чашки. Увидев меня, незаметно придвинула её обратно.

Роу развернул книгу на странице Йонаса. Я нашла его по профессии: извозчик, сорок шесть лет. Две записи, сделанные с промежутком в одиннадцать лет.

— Локоть у него теперь здоров? — спросила я.

— Если не считать, что его двадцать лет носит Иона.

— Одиннадцать.

— Ты права. Одиннадцать.

Роу провёл пальцем по имени.

— Если вернуть ему повреждение, у него снова будет сломана рука. Не состарится на одиннадцать лет. Не отнимутся все силы, полученные за это время. Вернётся то, что было передано. Его можно будет попытаться вылечить.

— А меня?

Он долго смотрел на первую страницу.

— Не знаю.

Я почувствовала, как Нелла перестала жевать.

— Мне нужен ответ.

— Другого у меня нет. Я видел, как возвращают укусы, переломы, родовую горячку. Видел людей после освобождения целой ниши. Часть успевала лишь вдохнуть. У некоторых

было время на помощь. Остановленную смерть не всегда можно отличить от очень тяжёлой болезни. Ваши священники предпочитают писать «возвращена жизнь»: за это больше платят.

— Ты не веришь им?

— Я не верю уверенности, за которую другой человек платит телом.

В дверях появилась женщина с обожжённой щекой. Сказала, что в пятой комнате перестали стонать. Роу сразу встал.

Он вернулся через некоторое время. Вытер мокрые руки, сел и попросил Неллу принести ещё чашку. На её вопрос «сколько лет?» ответил: «Шестьдесят два».

Я посмотрела на дверь. Мы пришли сюда меньше часа назад, и за это время кто-то успел умереть.

— Как вернуть одно исцеление? — спросила я.

Роу открыл книгу ближе к концу. В некоторых записях поверх подписей стояло «Отозвано». Внизу добавляли дату и имя свидетеля.

— Получатель берёт носителя за руку. Называет себя. Говорит, что принимает своё обратно. Если действительно принимает, связь с этим даром размыкается. При свидетеле делают отметку. Для самой связи чернила не нужны; они нужны тем, кто потом приходит за ответом.

— Почему все так не делают?

Он кивнул в сторону двери, за которой лежал Йонас.

— Предложи ему второй раз сломать локоть. Сначала придётся объяснить, чьё место занимает его здоровая рука. Потом он спросит, сможет ли работать. Что будет есть семья. Чем заплатить за лекарство. И если ты скажешь, что не знаешь, он вполне может решить, что твоя мать для него слишком дорогая.

Я захлопнула книгу.

На кухне повисло молчание. В очаге осел уголь. Роу наклонился, поправил заслонку и подождал, пока разгорится огонь.

— Я не стану уговаривать тебя оставить её там, — сказал он. — Но если придёшь с просьбой лечить, я должен знать, скольким людям понадобится помощь. Какие у них повреждения. Где они живут. Кто согласен, кто нет. Принесёшь имена — начнём считать.

— А если времени нет?

— Тогда придётся решить, кому ты его не оставишь.

В дверь постучали. Роу велел войти, не поднимаясь.

На пороге стоял Кайр. Рукав у него был разорван, на запястье темнел след верёвки. Он держался прямо, но одна нога заметно подгибалась.

— Круг разошёлся? — спросил он.

Я показала руку.

Кайр кивнул. Потом ухватился за дверной косяк и медленно опустился на пол.

Роу выругался, встал перед ним на колени и разрезал штанину. Из разреза потекла кровь.

— Говорил же: через мост не идти.

— Не мне, — ответил Кайр.

Роу надавил на рану сложенной тканью.

Я ждала, что кровь остановится сама, что кожа сомкнётся, как в рассказах о чудесах. Ничего не произошло. Кайр побледнел и, кажется, собирался потерять сознание.

— Подержи, — велел мне Роу.

Я опустилась рядом. Прижала ткань к его бедру. Кайр посмотрел на меня, потом на мою ладонь, и вдруг тихо засмеялся.

— Что?

— Ничего. Хорошо, что ты доехала.

Я не ответила. Под пальцами медленно теплела кровь. Чтобы удержать её внутри, приходилось давить всем весом.

Глава четвёртая

Чужая милость

Кайр проспал почти сутки. Роу не пустил к нему никого, кроме женщины с обожжённой щекой. Её звали Сабина; в лечебнице она знала, где лежит каждая тряпка, и могла одним взглядом заставить больного проглотить горькую воду. На Неллу этот взгляд тоже действовал.

Меня Роу посадил переписывать имена.

У матери оказалось семьсот шестнадцать записей о принятых дарах. Некоторые были зачёркнуты после смерти получателя. В других оставили только улицу и ремесло. Дворянских детей записывали полностью, вместе с родителями и свидетелями. У младенца из кожевнического квартала стояло: «Рыжий. Принесён женщиной без мужа».

Я остановилась на этой строке. Роу посмотрел через плечо.

— Найдём, если ещё жив.

— По цвету волос?

Он не ответил.

Вечером пришёл Йонас. На костылях, которые ему были коротки. Он сел напротив меня и долго разглядывал свои ладони.

— Говорят, ты её дочь.

Я кивнула.

— Мне тогда руку колесом вывернуло. Я трое суток орал, чтоб отрубили. Хозяйка к собору меня отвела. Из дома вынесли, а обратно сам зашёл. С буханкой. Дочка в дверях стояла, думала, я сапогами стучу, чтоб она открыла. Я рукой стучал. Нарочно.

Он показал локоть. На коже не осталось ни следа.

— Я не знал.

— Знаю.

— Не надо так говорить, будто я оправдываюсь.

Я убрала перо. Йонас смотрел на меня со злостью, в которой было больше испуга, чем желания обидеть.

— Ты не оправдываешься, — сказала я. — Я тоже ходила в собор. Хотела отдать серебро за тётку, когда та заболела. Не успела собрать.

Он потёр подбородок.

— Роу говорит, теперь можно попробовать. Кость выправить, чтобы срослась. Только обещать не хочет.

— Он никому не обещает.

— Ты заплатишь моей хозяйке, пока я тут?

Денег у меня не было. Я уже открыла рот, чтобы сказать это, но Нелла, проходившая мимо с тазом, остановилась.

— Ей помощник нужен. На хозяйстве. Нам тоже. У нас есть один, но он вечно умирает от любви и работать не может. Она подменит.

Йонас посмотрел на неё, потом снова на меня.

— Хорошо. Только сначала с ней поговорю.

Он поднялся. Я не стала его удерживать.

Ночью я спросила Неллу, что за помощник у нас умирает от любви. Она велела мне спать.

* * *

Мать перевели в шестую нишу на время уборки. Кайр сказал об этом так, словно речь шла о смене постельного белья. Я остановилась посреди коридора.

— Зачем?

— Седьмую мою.

— Она там двадцать лет сидела.

Он посмотрел на меня и понял.

— Номер принадлежит обручу. Не комнате. Её не освободили.

После неудавшейся смены мать отказалась назвать другое имя. Кайр узнал это от Брин. Попытаться снова без нового призыва было нельзя: я находилась за границей прихода в назначенный час. Теперь собор искал меня обычным способом. На воротах висело объявление о краже погребального имущества.

Кайр достал сложенный лист. Рисунок оказался непохожим, но под ним напечатали моё настоящее имя.

— За голову? — спросила я.

— За сведения. Голову предпочитают целой.

Он заметно хромал. Перед дорогой Роу заставил его сесть и проверил повязку, при всех отчитав, как мальчишку. Кайр выслушал молча. Теперь, спускаясь по ступеням, держался за стену.

Йонаса несли двое людей Роу. Один всё время извинялся за то, что задевает носилками углы. Сам Роу шёл следом с сумкой. Вошли мы через двери лечебного придела: лекарей туда пускали осматривать тех, кому ещё не одобрили чудо. Кайр заранее сообщил, что требуется проверить старое исцеление. Моё лицо скрывала повязка, какие носили при горячке.

Брин ждала у лестницы. Она оказалась невысокой женщиной с руками, красными от воды. Между пальцами левой ладони белели трещины.

— Только быстро, — сказала она Роу. — Я никого больше не жду, но это ничего не значит.

На меня она не посмотрела. И потому я поняла, что узнала.

Мать сидела в чужой нише, завернувшись в одеяло. На железном обруче висела маленькая табличка с семёркой. Увидеть её под повязкой мать не могла, но всё время трогала, словно проверяла, не потерялась ли.

Когда я назвала её, она убрала руку под одеяло.

— Ты не ушла.

— Сегодня мы заберём у тебя одну рану.

Йонаса поставили на пол перед нишей. Он попытался подняться, но Роу велел сидеть. Брин принесла чашу с водой и унесла пустую медную миску. Я заметила, как мать потянулась вслед за ней, и сама поставила миску обратно.

Никто не начал читать молитву.

Йонас назвал себя, ремесло и год, когда ему вылечили руку. Мать слушала, опустив голову. Потом осторожно высунула правую ладонь.

На её локоть я раньше не смотрела. Теперь увидела, что под одеялом рука лежит неправильно. Кость выгибалась так, словно её пытались завязать узлом.

Йонас протянул здоровую руку. Отдёрнул. Посмотрел на Роу.

— Будет как тогда?

— Возможно.

— Можно отказаться?

— До того, как примешь, — ответила мать.

Он уставился на неё. Кажется, до этой минуты не понимал, что с ним говорит живой человек, способный чего-то хотеть.

— Вы злитесь?

Мать покачала головой.

— Подумай о своей семье. Только не обещай того, чего не сделаешь.

Йонас посидел ещё немного. Потом попросил у Роу сложенную ткань для зубов. Взял мать за руку.

Слова он произнёс с первого раза. Я думала, нужно будет повторить какую-то древнюю формулу. Оказалось, достаточно назвать себя и сказать, что берёшь своё обратно.

Я не увидела света. В масляных чашах не дрогнули огоньки. Только Йонас резко подался вперёд и закричал. Роу уже был рядом. Придержал его плечо, велел помощнику подать заготовленные дощечки.

Я смотрела на мать.

Её рука медленно распрямлялась. Пальцы раскрылись. Она провела ладонью по каменной скамье, потом по собственному лицу. Подняла локоть выше плеча и замерла, словно не верила, что это возможно.

Я взяла её руку обеими ладонями.

Мать ощупала мои пальцы. Нашла старый порез возле ногтя. Надавила большим пальцем на сустав, как делала, когда я ударялась молотком.

— Стал большой, — сказала она.

— Что?

— Палец. У тебя был маленький.

Я опустила на колени перед скамьёй.

Роу работал за спиной, и Йонас всё ещё стонал, хотя уже тише. Где-то в коридоре Брин мыла миску. Здесь ничего не изменилось, кроме одной руки, которую теперь можно было поднять.

Мать коснулась моей щеки. Я позволила ей провести пальцами по бровям и подбородку. Когда она добралась до уголка рта, я не удержалась и прижалась лицом к её ладони.

Она сразу притянула меня ближе.

* * *

У выхода нас ждал капитан Оррен.

Он стоял у носилок и смотрел на Йонаса, уже укрытого одеялом. Роу протянул ему разрешение на осмотр, но капитан не взял.

— Мне нужна только она.

Кайр шагнул вперёд. Оррен посмотрел на его ногу.

— Сегодня ты никого не унесёшь, Арден. И хватит уже делать вид, будто хромота прибавляет тебе благоразумия.

Я сняла повязку с лица.

— Пусти их.

— Пустил бы и без просьбы.

Он отступил от носилок. Йонас посмотрел на меня мутными от боли глазами. Я кивнула, и помощники Роу понесли его к выходу.

Кайр остался. Я коснулась его рукава.

— Сначала отвези его.

Он посмотрел на Оррена.

— Раньше рассвета, — сказал капитан. — Таков приказ.

Кайр медленно убрал мою руку с рукава и пошёл за носилками. Я не стала спрашивать, что это значит. Оррен уже открывал передо мной другую дверь.

За ней начиналась лестница вверх.

Глава пятая

Архиепископ

Архиепископ кормила голубя.

Птица стояла на краю стола и осторожно выбирала зёрна из раскрытой ладони. На одной лапе у неё не хватало пальцев. Рядом лежали письма, разрезанная груша и детская перчатка, которую кто-то забыл среди бумаг.

— Сядь, Мара.

Я осталась у двери. Оррен вышел, прикрыв её за собой. Снаружи не щёлкнул замок, но я не приняла это за разрешение уйти.

Селеста Роан была значительно старше, чем на изображениях в молитвенниках. Там её рисовали гладколицей женщиной с прямой спиной. Сейчас она сидела боком, берегла одну ногу, а у уголка рта виднелась коричневая родинка, которую художник всякий раз забывал.

— Ты видела свою мать, — сказала она.

Я кивнула.

— И забрала у неё одну рану. Сколько таких осталось, уже считала?

— Семьсот шестнадцать записей.

— Это не число живых. И не все записи однозначны. Ты знаешь, например, кто такой «сын лудильщика, около трёх лет»?

— Вы могли спросить имя.

Селеста пересыпала оставшиеся зёрна в чашу. Голубь перепрыгнул следом.

— Могли, — сказала она. — Иногда не спрашивали. Иногда родители сами не называли. Приходили ночью, после закрытия ворот. Боялись долгов, родственников, собственного мужа. Знаешь, скольких детей мы принимали без разрешения отца?

— Не знаю.

— Я тоже. Нас не хватает, чтобы считать всё.

Я посмотрела на письма. На каждом лежал отдельный камешек вместо тяжёлого пресс-папье. У одного конверта угол промок и растёкся по столу. Архиепископ забрала его подальше от воды и только после этого снова подняла глаза.

— У тебя есть право злиться. Но если собираешься говорить со мной, сядь. У меня больная нога, и я устала смотреть вверх.

Я села на край стула.

Она развернула ближайшее письмо. Дала мне прочитать. В маленьком городе на востоке заболели роженицы. Сначала две, потом девять. Местный лекарь не знал, что делать. Просили разрешить внеочередной дар.

— У нас нет носителя для всего восточного уезда, — сказала Селеста. — Один умер прошлой зимой. Отправили людей искать родственников. Пока ищут, женщины продолжают рожать.

— Ваши святые не умирают.

— Пока держится обруч. Бывает, рушится храм. Бывает, паводок уносит стену вместе с нишей. Бог не чинит каменную кладку.

Она вынула второе письмо. Поставила рядом. Мне не хотелось читать, и я отодвинула его.

— Не нужно показывать мне больных, чтобы я забыла о матери.

— Не забудешь. Я надеюсь, что ты вспомнишь о них, когда откроешь её обруч.

Из коридора донёсся детский смех. Я вздрогнула. Селеста потянулась к перчатке, лежавшей на столе, и позвала служанку. Девочка появилась в дверях сама.

Она была в синем платье, похожем на облако, с маленькими обтянутыми пуговицами. В одной руке держала кусок груши, другой цеплялась за косяк, хотя проход был широкий. Увидев меня, замолчала.

— Лиора, — сказала архиепископ, — возьми перчатку. Тебя ждут.

Девочка посмотрела на стол, но протянула руку мимо. Селеста не поправила её. Дождалась, пока та найдёт вещь сама.

Я поняла, что принцесса ещё учится видеть.

Она придвинула грушу к моему лицу.

— Хочешь?

Я покачала головой и сразу почувствовала себя жестокой.

— Спасибо. Потом.

— Она сладкая.

Служанка взяла девочку за плечо. Когда дверь закрылась, я ещё некоторое время смотрела на ручку.

— Она знает? — спросила я.

— Ей девять лет.

— Я спросила, знает ли она.

Селеста поправила перстень на пальце.

— Не всё.

— Как удобно.

— Для тебя тоже было удобно. Первые двадцать лет.

Я встала. Селеста не стала меня останавливать. Подождала, пока я дойду до двери, и заговорила снова.

— Мать можно вывести наверх.

Я обернулась.

— С закрытым обручем. Связь сохранится. Ей устроят комнату, постель. На ночь будет приходить Брин. Больше даров она принимать не станет. Во дворе есть сад.

Я пыталась представить мать в саду. На настоящем стуле, с опорой для спины. Под небом, которое можно почувствовать по теплу на лице, даже если нет глаз.

— Цена?

— Ты передашь книгу Оррену и перестанешь прятаться. Сядешь рядом с переписчиками. Поможешь разыскать людей из старых записей. Будешь работать там, где сможешь что-то изменить, а не там, где тебе кажется легче остаться чистой.

— И рассказывать людям, что дар им дала моя мать?

Селеста помолчала.

— Постепенно. Под надзором. Ты уже видела, во что обходится возврат одной руки. В следующий раз человек может не пережить боль. Его родственники обвинят тебя. Они пойдут к лечебнице Роу с камнями. И, прежде чем ты скажешь, что сама их остановишь, вспомни, сколько тебе лет.

Я снова посмотрела на стул. Мне хотелось сесть, попросить бумаги, вычеркнуть ненужные условия. Договориться хотя бы о постели. Я не понимала, почему для этого нужно соглашаться на молчание.

— Вы могли устроить ей комнату вчера.

Архиепископ отвела глаза первой.

Голубь вспорхнул и сел на открытую створку окна. Некоторое время топтался, потом вылетел в сад.

— Ты сама изготавливаешь погребальные замки? — спросила Селеста.

Я не ответила.

— Твоя мать была хорошим мастером. Я знала её до того, как родилась ты. Она понимала железо лучше всех, кого я встречала.

— Почему её обвинили в колдовстве?

— Потому что королевский духовник предпочитал говорить с городом языком, который город понимал. Твоя мать согласилась с нашей просьбой. Святость считалась бы наградой; соседи привели бы своих детей просить того же. Колдовство отбивало желание спрашивать.

Я не сразу поняла, что она сказала. Потом вспомнила тёткины руки на плечах, дым, лица соседей за забором.

— А отец?

— Знал, что она останется при соборе. Ему разрешили вывезти семью.

Отец умер, когда мне было двенадцать. Пять лет он слышал, как я проклиная людей, сжёгших мать, и ни разу не поправил.

Я достала ключ. Положила на край стола.

— Она сделала его до того, как вы заперли её?

Селеста наклонилась, чтобы рассмотреть насечки.

— Да. Дверцу и обруч открывали одним служебным ключом. Она сама настояла: если замок на ноге заест, нельзя заставлять носителя ждать другого мастера.

Я забрала ключ.

— Я разыщу людей. Роу будет лечить тех, кто согласится. Дайте нам время.

— Через тридцать пять дней благословляют восточные полки. По приказу короля половину носителей переведут в походные святилища. Иона в списке. Я могу задержать её до того дня, но не отменить приказ.

— Значит, отмените новые дары. И дайте пройти к ней тем, кто захочет своё вернуть.

— Под моим надзором.

— Пусть. Только вслух говорите им, кто принимает их боль. До того, как они заплатят.

Селеста смотрела долго. Потом взяла чистый лист и придвинула чернильницу.

— У Роу должна быть возможность проверить то, что вы собираетесь делать, — сказала она. — Три осмотра. Дальше посмотрим.

Я стояла возле стола, пока она писала. Внизу осталось место для моего имени. Подпись получилась кривой: ладонь, разрезанная ключом, всё ещё болела.

У дверей ждал Оррен. Он взял копию разрешения, посмотрел на печать и пропустил меня к лестнице.

— Ты узнал меня в сторожке? — спросила я.

— Заподозрил.

— Зачем отпустил?

— За телегой легче следить, чем за женщиной среди могил. Но твой друг очень не хотел, чтобы мы прошли за ним дальше моста.

Он заметил, как я посмотрела на его саблю.

— Жив, насколько я знаю. Попроси в следующий раз не резать подпруги. Конь ни в чём не виноват.

На улице занимался рассвет. Я успела сделать несколько шагов, прежде чем увидела Кайра. Он сидел на низкой оgrade, вытянув больную ногу, и держал в руках горячую лепёшку.

При моём появлении поднялся. Я взяла у него хлеб. Отломила половину, вторую вернула.

Мы ели стоя, и до самого конца улицы он ни о чём меня не спросил.

Глава шестая

Остров без колоколов

У Йонаса поднялась температура. Роу провёл возле него ночь, а утром велел Сабине вынести из кухни все ножи, которые не предназначались для готовки. Нелла спросила зачем. Он ответил, что люди путают их, когда устают.

Я вспомнила серебряную чашу, к которой мать не разрешала прикасаться губами. Помыла руки ещё раз.

Йонас лежал с закрытыми глазами. Старшая дочь сидела рядом и считала стежки на его повязке. У неё оказались такие же короткие пальцы, как у отца.

— Он жалеет? — спросила я Роу.

— Спроси его, когда проснётся.

— Я боюсь.

Роу поднял на меня глаза. Прежде чем ответить, закончил складывать чистую ткань.

— Тогда обязательно спроси.

Я осталась до вечера. Когда Йонас проснулся, помогла ему напиться, а потом задала вопрос. Он некоторое время смотрел на меня, как человек, у которого требуют вежливости после бессонной ночи.

— Жалею, — сказал он. — Очень больно.

Я кивнула и хотела встать, но он придержал меня за рукав.

— Только обратно не проси. Я не пойду. Хозяйка с дочками справляется, мне Нелла рассказала. Ты лучше подушку поправь.

Я поправила. Он уснул, не отпуская края моего рукава. Пришлось просидеть ещё час.

* * *

За ужином Роу рассказал о Ровене.

Город стоял в трёх днях пути по северной дороге или в двух по реке, если ветер не мешал. Девять лет назад в нём разом умерли тысячи. Из столицы отправляли лекарей, солдат и длинные обозы с известью. Назад пришли лодки с выжившими. Роу принимал их на берегу.

— Я тогда ещё работал в соборе, — сказал он. — Считал, что вижу всё важное. Утром записывал состояния больных, вечером относил бумагу в придел. Они выходили здоровыми. Я гордился хорошим почерком: получатели должны были уметь прочесть, кому они обязаны.

Кайр стоял у окна. Лицо отражалось в стекле тёмным пятном.

— Потом привезли ровенских, — продолжил Роу. — У одного старика пропали все зубы, хотя час назад он ими жевал корку. У женщины разошёлся шов после родов, случившихся двенадцать лет назад. Она не понимала, почему снова истекает кровью. Мне рассказали, что святую освободили.

Нелла перестала крошить хлеб.

— И ты узнал?

— Да.

— Что сделал?

Роу отодвинул тарелку.

— Четыре месяца писал жалобы. Очень хорошие. Потом меня перестали пускать в придел. Ещё через месяц я купил этот дом.

— Зачем нам туда? — спросила я.

Роу достал из сумки тонкую тетрадь, перевязанную ниткой. Внутри были перечислены симптомы, годы и имена. Некоторые строки отмечены крестами.

— Святая не была единственной. В городе оставался малый приход на острове. Там разрыв успели остановить. Люди выжили, но часть вернула свои повреждения добровольно.

Среди них был писец, который записывал, как именно. Мне передали несколько страниц. Хочу остальные.

— Почему не съездил сам?

Он обвёл взглядом кухню. Из соседней комнаты позвали Сабину.

Я повернулась к Кайру.

— Ты знаешь дорогу?

Он кивнул, не отходя от окна.

— Доведёшь?

— Доведу.

Я тогда не спросила, откуда он знает дорогу. Позднее мне часто хотелось вернуться к этому вечеру и задать всего один лишний вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.